

ДОБРОВОЛЬНЫЕ СПОРТИВНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ КАЗАНИ: ИСТОРИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

Фан-Юнг Герман Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент, Поволжский
государственный университет физической культуры,
спорта и туризма, г. Казань
ger-fan-yung@yandex.ru

Щигорцова Елена Сергеевна

кандидат социологических наук, доцент, Поволжский
государственный университет физической культуры,
спорта и туризма, г. Казань

VOLUNTARY SPORTS ASSOCIATIONS IN PRE-REVOLUTIONARY KAZAN: HISTORICAL, METHODOLOGICAL AND SOCIOCULTURAL ASPECTS

**G. Fan-Yung
E. Shchigortsova**

Summary: The presented article attempts to analyze the relationship between the rapid development of large and advanced private capitalist industry and the emergence of voluntary sports societies in the administrative center of the Kazan province before 1917. Based on the studied corpus of published and unpublished sources deposited in the State Archive of the Republic of Tatarstan and stored in the Scientific Library of the Kazan (Volga Region) Federal University, the author concluded about the objective influence of large private capitalist industries on the formation of an "all-class" urban environment. In turn, some of its facilities were adapted to the recreational needs of city residents, including amateur athletics and weightlifting, swimming, wrestling, regular cycling, tennis and even yachting.

The purpose of our research is a very brief analysis of the influence of the largest "city-forming" Kazan industries on the formation of an "all-class" urban environment and new forms of leisure for citizens. The objectives are, firstly, the theoretical and methodological substantiation of the emergence of new forms of leisure, one of which was sport, in the specified historical period; secondly, a description of the most important provisions of the charters of some city sports societies; thirdly, systematization of the results obtained and their presentation. In our work we used: universal (general scientific) methods of scientific knowledge, both empirical (description, comparison, juxtaposition, etc.) and theoretical (axiomatic method, deduction, induction, classification, analysis, synthesis, modeling, etc.); the most important principles of historical knowledge (scientificity, historicism, objectivity, etc.); special methods of historical research (historical-genetic, comparative-historical, cause-and-effect analysis, etc.).

Keywords: industrial revolution, "all-class" urban environment, "city-forming" enterprises, amateur sports, voluntary sports societies in pre-revolutionary Russia, pre-revolutionary Kazan.

Аннотация: В представленной статье предпринята попытка проанализировать взаимосвязь между бурным развитием крупной и передовой частнокапиталистической промышленности и возникновением добровольных спортивных обществ в административном центре Казанской губернии до 1917 года. На основании изученного корпуса опубликованных и неопубликованных источников, отложившихся в Государственном архиве Республики Татарстан и хранящихся в Научной библиотеке Казанского (Приволжского) федерального университета, автором сделан вывод об объективном влиянии крупных частнокапиталистических производств на формирование «всесословной» городской среды. В свою очередь, часть её объектов была адаптирована под рекреационные потребности горожан, включая любительские занятия лёгкой и тяжёлой атлетикой, плаванием, борьбой, регулярными велосипедными прогулками, теннисом и даже яхтингом.

Цель нашего исследования состоит в весьма кратком анализе влияния крупнейших «градообразующих» казанских производств на формирование «всесословной» городской среды и новые формы досуга горожан. Задачами выступают, во-первых, теоретико-методологическое обоснование возникновения новых форм досуга, одной из которых выступал спорт, в указанный исторический период; во-вторых, описание важнейших положений уставов некоторых городских спортивных обществ; в-третьих, систематизация полученных результатов и их изложение. В работе нами использованы: универсальные (общенаучные) приёмы научного познания, и эмпирические (описание, сравнение, сопоставление и пр.), и теоретические (аксиоматический метод, дедукция, индукция, классификация, анализ, синтез, моделирование etc.); важнейшие принципы исторического познания (научности, историзма, объективности etc.); специальные методы исторических исследований (историко-генетический, сравнительно-исторический, причинно-следственный анализ etc).

Ключевые слова: индустриальная революция, «всесословная» городская среда, «градообразующие» предприятия, любительский спорт, добровольные спортивные общества в дореволюционной России, дореволюционная Казань.

Революция 1905–1907 годов, де-факто, завершила реформы, начатые при императоре Александре Втором. Народ, в буквальном смысле, вырвал у царизма, политически «обанкротившегося» на полях сражений русско-японской войны 1904–1905 гг., первый

конституционный акт в истории России [1;714–715] – Высочайший манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 (30) октября 1905 ст. ст. Пункт 3 этого нормативно-правового акта, де-юре, покончил с самодержавием, существовавшим с 1649 года: «Уста-

новить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы, и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за законностью действий поставленным от нас властей»[2;26803].

Затем последовали акты об учреждении Государственной думы (Высочайший указ от 20 февраля (5 марта) 1906 г.ст.ст.)[3;27424], Государственного совета (Высочайший указ от 23 апреля (06 мая) 1906 г.ст.ст.)[3;27808]. Одновременно (23 апреля (06 мая) 1906 г.ст.ст.) с указом о создании Государственного совета был издан Свод Основных государственных законов [1;722–725]. Установившийся режим ограниченной (т.н.«дуалистической») монархии объективно способствовал улучшению положения фабричных рабочих. В 1905–1907 гг. в стране возникли и успешно функционировали различные демократические институты: двухпалатный парламент, политические партии, профсоюзы, свободная пресса etc. 23 июня (06 июля) 1912 г. ст.ст. был принят весьма значимый для рабочих комплекс законов, включая: «Положение о страховании рабочих от несчастных случаев», «Положение об обеспечении рабочих на случай болезни», «Положение об учреждении совета по делам страхования рабочих», «Положение об учреждении присутствий по делам страхования рабочих»[4;37444–37447]. В результате, в 1913 году на всех крупных предприятиях России возникли свои больничные кассы. Мелкие и средние предприятия объединялись, образуя «коллективные» больничные кассы [5;1–11]. Пример работы больничной кассы Казанского стеариново-мыловаренного, глицеринового и химического завода фирмы братьев Крестовниковых наглядно демонстрирует эффективность этих учреждений. Из кассы регулярно выдавались денежные средства [6;3–5]. В итоге, архивные материалы свидетельствуют, что фабричная больничная касса являлась довольно эффективным инструментом социальной защиты фабричных рабочих [7;3 – 24].

О несомненном и непрерывном возрастании уровня жизни в дореволюционной России свидетельствует статистика. Так, на 01(14) января 1913 г. численность населения России достигла 174.099.600 чел. Это означало, что по сравнению с результатами переписи 1897 года население увеличилось на 45.904.000 человек (или на 35,8 %). Ежегодный прирост численности населения составлял 1,8% (или 17 чел. на 1000 жителей) [8; 1; 58]. Эти данные превзошли даже статистические прогнозы академика Д.И. Менделеева. Великий учёный подсчитал, что уже к 1910 году, при самом «скромном» годовом приросте населения в 1,5%, население страны должно было составить 155,6 миллиона человек; к 1950 году оно увеличилось бы до 282,7 миллионов человек; 2000 год должны были встретить уже 594,3 миллиона жителей. Сохранение к 2052 году ежегодного прироста в 1,5%, обеспечи-

вавшего удвоение численности населения каждые 46,5 лет, закономерно привело бы к тому, что число жителей России достигло бы 1 миллиарда и 282 миллионов человек [9;12].

Вместе с тем, как отмечал Д.И. Менделеев, российская фабричная промышленность в начале XX века не только не достигла неких «пределов» своего развития, не только не «исчерпала» возможностей роста, но была сопоставима с «каплей в море» по сравнению с перспективами своего будущего грандиозного развития [10;133]. В упомянутом 1913 году в сельском хозяйстве было занято три четверти населения страны, а в промышленности, включая кустарную, – не более 10 % [8; 87]. Косвенным свидетельством «догоняющего» характера российской рыночной экономики выступала и затянувшаяся урбанизация. Численность городского населения, в указанный период, составляла 24.648.400 человек или 14,2%. В той же Великобритании городское население составляло 78%, в Германии – 56,1%, в США – 41,5% [8;61]. Уровень грамотности был очень низким, составляя 21% от общей численности населения [8; 84].

Нельзя не упомянуть и о непрерывном росте доходов населения, объективно оказывавшем влияние на сохранение упомянутого ежегодного прироста его численности (1,8%). По данным Я.Т. Михайловского, известного публициста и преподавателя, почти 11 лет исполнявшего обязанности «главного фабричного инспектора», в 1893 году размер среднего заработка у «заводско-фабричного рабочего»-мужчины составлял 187 руб.60 копеек в год. Наибольший заработок доходил до 600 рублей в год, а минимальный – не превышал 88 руб. 54 коп. в год (288 рабочих дней; продолжительность каждого рабочего дня составляла около 12 часов). В машиностроении и сталелитейной промышленности ежегодный заработок достигал, в среднем, 525 рублей в год. Менее всего платили в ткацком и хлопчатобумажном производствах – «от 200 до 116 рублей в год». Женский труд и труд подростков оплачивался значительно ниже, чем труд взрослых мужчин: «обыкновенно женщины ... получают половину, а малолетние треть платы мужчин ...»[11;273–274]. М.И. Туган-Барановским зафиксировано, что в конце 1890-х гг., по сравнению с началом 1880-х, заработная плата «... фабричных рабочих в Московском районе повысилась на 20–25%. ... В быстро развивающихся промышленных центрах Юга заработная плата, ..., возросла гораздо более. ... на Юзовском заводе ... в 1897 году низшая плата (чернорабочего) ... не спускалась ниже 70 к. в день, а высшая достигла 6 р. [в день – прим. Г.Ю. Фан-Юнга]. ... По-видимому, денежная заработная плата на железнодорожных заводах Юга возросла со времени начала восьмидесятых годов вдвое. Всё это побуждает нас признать, что, в общем, за новейшее время не только денежная, но и реальная плата повысилась» [12;337]. В 1901 году Д.И.Менделеев отмечал, что заработки рабо-

чих всех отраслей непрерывно возрастают с самого начала промышленной революции [10;183]. Он зафиксировал увеличение чистого дохода каждого работающего среднестатистического жителя, начавшийся с середины 1890-х годов, на 1 рубль в год [10;192].

«Харчевание» (т.е. снабжение продовольствием) рабочих «... хозяин часто берёт на свой счёт». Например, в г. Москве подобное «харчевание» каждого рабочего, с учётом оптовых закупок продуктов заводской потребительской кооперацией, обходилось от 04 руб.50 коп. в месяц до 60 рублей в год [11;275]. Организация питания рабочих за счёт владельца предприятия, по нашему мнению, представляется, во-первых, как эффективный инструмент социальной политики фирмы; во-вторых, как одна из форм косвенного материального стимулирования, т.к. общие расходы рабочих, питавшихся на предприятии, были более упорядочены. Кроме того, «удешевлению пищи рабочих ... содействует существование при фабриках потребительских товариществ, главными участниками которых являются рабочие» [11;277]. Не имелось у рабочих того времени и существенных расходов за аренду жилья, т.к. при крупных промышленных предприятиях имелись рабочие казармы или иные помещения для их проживания [11;277–278].

Я.Т. Михайловский особо отметил, что «сдельщина» (сдельная оплата труда) «становится наиболее употребительной» в российских реалиях [11;279]. Этот автор зафиксировал и постепенный переход к 8-часовому рабочему дню на отдельных производствах, т.к. развитие техники и технологии уже не требовало длительного присутствия на рабочем месте [11;286]. Так, на сернокислотном производстве Товарищества П.К. Ушкова восьмичасовой рабочий день был введён с 1897 года [13;115]. При этом продолжительность рабочего дня, в указанный период, на прочих химических производствах «...колебалась между 11 и 13 часами» [14;170]. Это было объяснимо, в первую очередь, недостаточным уровнем их технологического развития.

Необходимо уточнить, что приведённые статистические и научные материалы, авторами которых являлись, в основном, современники описываемой эпохи, ставят под сомнение массу изначально сомнительных выводов об уровне экономического и, следовательно, социального развития России не только до Февральской революции 1917 года, но даже на рубеже XIX–XX веков. Несмотря на отдельные замечательные и сугубо научные труды выдающихся отечественных историков советского периода (М.Н. Покровский, М.В. Нечкина, Е.В. Тарле и мн.др.) советская историческая наука, как и прочие общественные науки, «обслуживала» марксистско-ленинскую идеологию, руководствуясь «принципом партийности».

Закономерным следствием подобной незавидной роли истории как науки стала подмена той или научной истины набором весьма противоречивых идеологических догматов, призванных изобразить всю тысячелетнюю историю России как набор неких этапов, предваряющих «неизбежную» пролетарскую революцию. Задача целых коллективов историков сводилась к наукообразному «нивелированию» неудобных «шероховатостей» и откровенных противоречий, характерных для массы мифологем. Одним из результатов подобного «труда» стал тезис о том, что дальнейшее развитие крупной капиталистической промышленности и рыночной экономики «неизбежно» ведёт к обострению классовых противоречий и «обнищанию» рабочих. Например, «отсутствовала всякая охрана труда. Нищенской заработной платы едва хватало на скудное пропитание. Рабочего обсчитывали, выдавали заработную плату нерегулярно, по усмотрению хозяина. Особенно донимали рабочих штрафы. Они часто достигали трети, а то и 40 процентов заработка и налагались по любому поводу. Широко применялся труд женщин и детей. Работали они наравне с мужчинами, а получали значительно меньше» [15;11].

Подробный разбор и строго научная критика подобных мифологем не соответствует цели и задачам представленной работы. Но нельзя не отметить, что такие утверждения противоречат не только фактам и логике, но и научным представлениям, например, о рыночной экономической модели. Действительно, как свидетельствует статистика, приведённая нами выше, императорская *Россия* была далека от совершенства. Она была страной «догоняющего» развития. Например, приведённая численность городского населения в 1913 году, на тот момент, выступавшая как один из косвенных показателей уровня индустриального развития, позволяла сделать выводы о возможных перспективах индустриализации России, но не о достигнутых результатах. Об этом же свидетельствовал уровень грамотности, приведённый выше.

Вместе с тем, Россия имела немало передовых и наукоёмких промышленных предприятий. Успешно развивались химическая, металлургическая, угледобывающая, судостроительная, автомобильная и многие другие отрасли отечественной промышленности. В «отсталой» России бурно развивалось авиастроение. Определённые успехи в развитии сельскохозяйственного производства были достигнуты после «столыпинской» аграрной реформы. Всемирного признания добилась сравнительно молодая российская наука. После революции 1905–1907 гг. в стране была отменена цензура, возникли легальные политические партии, свободная печать, двухпалатный парламент и профсоюзное движение. На многих производственных участках крупных и передовых предприятий был установлен 8-часовой рабочий день. Например, на Казанском стеариново-мыло-

варенном, глицериновом и химическом заводе фабрично-торгового Товарищества братьев Крестовниковых по инициативе директора завода К.М. Зайцева к 1912 г. рабочий день (без учёта «сдельщины») сократился до 8 часов (на непрерывном производстве) и до 9 часов в сутки – на прерывном [16;193].

Строились новые железные дороги и новые города, укреплялась национальная валюта. Благодаря развитию промышленности и торговли, с одной стороны, и соответствующим мерам правового регулирования, с другой стороны, успешно формировалась новая городская культура и новая «всесословная» городская среда. Закономерно, что очевидное для страны увеличение доходов населения и снижение количества часов, проведённых на работе, способствовало появлению новых форм досуга. Весьма значимое место среди них занимали различные виды любительского спорта.

Крупнейшими частными «градообразующими» предприятиями, например, в дореволюционной Казани являлись «крестовниковский» химический завод и группа производств, принадлежавших наследникам И.И. Алафузова [17;73]. Рабочие и служащие этих фабрик задавали новые стандарты «всесословного» поведения. Исследователи Е.А. Вишленкова, С.Ю. Малышева и А.А. Сальникова не зря упоминают, что, в указанный период, «группы людей на берегу озера [т.е., как следует из контекста, озера Нижний Кабан – прим. Г.Ю.Фан-Юнга] располагались семьями на пикник: пытели самовары, кругом раздавался запах свежее испечённых пирогов» [18;157]. Один из братьев-основателей Казанского химического завода, Н.К. Крестовников, уточнил, кем являлись «группы людей», указанные выше: «заводская молодёжь устраивала пикники, катанья на лодках по озеру Кабану. *Смотря на нас [выделено нами – прим. Г.Ю. Фан-Юнга], устраивали тоже дачники противоположного берега озера – слободы Архангельской ...*» [19;98]. И так, вполне закономерно, что возрастающее население города Казани, превратившегося в конце XIX столетия в крупный индустриальный центр, стремилось активно отдохнуть после трудовой недели. В свою очередь, реклама, размещённая в городской периодической печати, не только извещала жителей города о предстоящих культурных мероприятиях, но и знакомила с новыми формами досуга [20].

В ходе «локальной» промышленной революции в городе возникли такие элементы «всесословной» городской среды, пригодные для занятий спортом, как:

- парки (Русская Швейцария и Чёрное озеро);
- сады (Николаевский, Лецкой (Лядской – в просторечии), Панаевский, Эрмитаж, Соединённого Собрания);
- скверы (Николаевский и пр);
- реки (Казанка и Волга);
- озёра (Ниж. Кабан, Ср.Кабан и Верх.Кабан) [21].

Таким образом, в административном центре Казанской губернии имелись объективные предпосылки для возникновения различных спортивных обществ:

- наличие крупных «градообразующих» предприятий;
- создание и активное развитие соответствующих объектов городской «всесословной» инфраструктуры;
- рост численности городского населения;
- повышение уровня доходов населения и сокращение рабочего времени;
- популяризация новых видов активного досуга с помощью рекламы в периодических изданиях.

В результате в 1890-х годах стали возникать добровольные спортивные объединения, которые не дифференцировали своих членов, как и кандидатов в члены, по конфессиональному, этническому или сословному признаку. Об этом прямо свидетельствуют положения «Устава Казанского общества велосипедистов-любителей» [22], «Устава Казанского Речного Яхт-Клуба» [23] и «Устава спортивного общества «Сила и Здоровье»» [24].

При этом в число казанских «велосипедистов-любителей» не принимали (в 1897 году): «несовершеннолетних», «лиц женского пола», «учащихся в учебных заведениях», «состоящие на действительной военной службе нижние чины и юнкера», «лиц ..., не пожелавших оставаться членами общества», «подвергшихся ограничению по суду» [22;6]. Никаких данных об ограничении приёма в это спортивное общество по иным основаниям нами не выявлено. Важнейшей заявленной целью создания спортивного общества была популяризация «... употребления велосипеда, как удобного, приятного и полезного способа передвижения» [22;3].

Почти полностью отсутствовали ограничения (в 1911 году) для вступления в спортивное общество «Сила и Здоровье». К весьма формальному кругу лиц, которые не могли состоять членами Казанского спортивного общества «Сила и Здоровье», относились только те, чьи права были ограничены законом. В итоге, членами этой спортивной организации могли быть лица обоего пола, независимо от формально-сословной или этноконфессиональной принадлежности [24;2]. Целью создания обозначенного добровольного спортивного общества была провозглашена популяризация физической культуры. В «Уставе ...» особо оговаривалось, что «политическая агитация в обществе недопустима» [24;1].

В члены Казанского речного яхт-клуба принимались «... лица обоего пола, всех сословий, но не моложе 21 года» [23;3]. Кроме возрастного ценза членами этого спортивного общества не могли стать (в 1913 году): «воспитанники низших и средних учебных заведений», «нижние чины и юнкера» и «подвергшиеся ограничению

прав по суду» [23;3]. Судя по заявленной цели, по нашему мнению, Казанский речной яхт-клуб вполне мог превратиться в крупную и многопрофильную спортивную федерацию, т.к. ставил «... своей задачей вообще развитие всякого рода спорта, как-то: охотничьего, рыболовного, автомобильного, гимнастического, лыжного, конькобежного и других» [23;1–2].

Отсутствовали сословные ограничения и в добровольных спортивных обществах, пропагандировавших идеи панславизма и русского монархизма. Но ярко выраженной была дискриминация по этноконфессиональному признаку при вступлении в них. К таковым относились «гимнастический кружок «Беркут»» [25] и «гимнастическое общество «Сокол»» [26]. Провозглашённой целью кружка «Беркут» было стремление: «... дать русскому юношеству возможность получить правильное физическое развитие, ..., достижение ... полного сближения Славянских народностей и развитие среди молодёжи национального самосознания, мужества и дисциплины» [25;3]. Членами «Беркута» могли быть только монархисты «... славянского происхождения и христианского вероисповедания. Принимая во внимание этнографические особенности Казанской губернии, ...» было предложено «... принимать в члены кружка также и лиц магометанского вероисповедания...» [25;3–4]. Об открыто шовинистическом и антисемитском характере этой спортивной организации свидетельствовало то, что лица «иудейского происхождения [выделено в тексте – прим. Г.Ю. Фан-Юнга], хотя бы и христианского вероисповедания в члены кружка «Беркут» ни в коем случае [выделено в тексте – прим. Г.Ю. Фан-Юнга] ...» (в 1910 году) не принимались [25;4]. Тем самым авторы данного «Положения ...», де-факто, исключали евреев из числа своих соотечественников, вынуждая даже самых верных «Престолу и Отечеству», встать на противоположную «сторону».

В более обтекаемой форме было ограничено членство в панславистском «Соколе»: «членами общества

могут быть совершеннолетние лица обоего пола славянского происхождения, сочувствующие сокольской идее, ...» [26;4]. Кроме того, «в виду особых этнографических условий Казанской губернии членами Общества могут быть лица магометанского вероисповедания» [26;5]. Как и все прочие добровольные спортивные общества г. Казани, членами «Сокола» не могли быть (в 1914 году): «нижние чины» и юнкера, учащиеся средних и нижних учебных заведений, «... лица, подвергшиеся ограничениям прав по суду и исключённые из других Обществ» [26;5]. Целью «Сокола» было заявлено лишь «физическое и нравственное совершенствование через занятие спортом» [26;3].

Итак, в отличие от аграрного общества, где свободное время основной массы населения было понятием относительным, в индустриальную эпоху возникает нормированный рабочий день и законодательно охраняемое время на отдых. Закономерно, что это стало причиной появления массовой («всесословной») культуры, включая и новые формы досуга. При этом её практическая реализация была немыслима без новых, общедоступных городских пространств, обозначаемых как «всесословная городская среда».

Благодаря индустриальной революции, и в России, и в её промышленно-развитых регионах, происходили, во-первых, переход от сословной структуры общества к структуре классовой, во-вторых, рост численности населения. Так, неуклонно возрастало население городов, превратившихся в новые индустриальные центры. В них формировалась качественно новая социальная инфраструктура, включавшая и рекреационные объекты. Часть из этих объектов была приспособлена для занятий физической культурой и спортом. Таким образом, указанные виды человеческой деятельности выступали как одни из форм досуга городского населения индустриальной эпохи. Этим и объяснимо массовое появление различных добровольных спортивных обществ в крайне ограниченных временных рамках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хрестоматия по конституционному праву Российской Федерации / Сост.-д-р.юрид.наук Ю.Л. Шульженко. – М.: Юристъ, 1997. – 784 с. – Текст: непосредственный
2. ПСЗ РИ. Собр. III. Т. I – XXXIII. – Т. XXV. – СПб.: Тип. Прав. Сената, 1884 – 1913. – Текст: непосредственный
3. ПСЗ РИ. Собр. III. Т. I – XXXIII. – Т. XXVI. – СПб.: Тип. Прав. Сената, 1884 – 1913. – Текст: непосредственный
4. ПСЗ РИ. Собр. III. Т. I – XXXIII. – Т. XXXII. – СПб.: Тип. Прав. Сената, 1884 – 1913. – Текст: непосредственный
5. ГА РТ. Ф. 305. Оп. 1. Д. 9
6. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 12268
7. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 5144
8. Статистический ежегодник России (год десятый). – СПб.: Изд-е Цент.Стат.Комитета МВД, 1914. – В XII разделах. – Текст: непосредственный
9. Менделеев Д.И. К познанию России (изд.-е шестое) / Д.И. Менделеев. – С.-Пб., 1907. – 157 с. – Текст: непосредственный
10. Менделеев, Д.И. Учение о промышленности. / Д.И. Менделеев. – В 2-тт., т.1. – Ч.1 (6–9 параграфы). – С.-Пб.: Тип.Акц.Об-ва Брокгауз–Евфрон, 1901. –

- С.91–201. – Текст: непосредственный
11. Михайловский, Я.Т. Заработная плата и продолжительность рабочего времени на фабриках и заводах. / Я.Т. Михайловский / Фабрично-заводская промышленность и торговля России // Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго. / Под ред. Д.И. Менделеева. – Отд. XXIII. – СПб.: Изд. Департамента Торговли и Мануфактур Министерства финансов, 1893. – С.273–286. – Текст: непосредственный
 12. Туган-Барановский, М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. (перепечатано с 3-го изд.-я 1907 г.) / М.И. Туган-Барановский. – В 2-х ч. – М.: Изд-во «Московский рабочий», 1922. – 430 с. – Текст: непосредственный
 13. Федотьев, П.П. Современное состояние химической промышленности в России. / П.П.Федотьев. – СПб.: типо-литография Ю.А.Мансфельд, 1902. – 143с. – Текст: непосредственный
 14. Лукьянов, П.М. История химических промыслов и химической промышленности России: монография [под ред. С.И.Вольфовича] / П.М. Лукьянов. – В VI-ти тт. – Т.I. – М.-Л.: АН СССР, 1948. – 544 с. – Текст: непосредственный
 15. Пономарёв, Б.Н. и др. История Коммунистической партии Советского Союза: коллективная монография / Б.Н. Пономарёв и др. – Изд-е 7-е, доп. – М.: Политиздат, 1985. – 783 с. – Текст: непосредственный
 16. Фан-Юнг, Г.Ю. Завод-Великанъ: монография / Г.Ю. Фан-Юнг. – Казань.: Изд-во «Познание», 2020. – 234 с., с илл. – (Серия «Сокровищница Татарстана»). – Текст: непосредственный
 17. Габдрафикова, Л.Р., Измайлов, Б.И., Салихов, Р.Р. Фирма Алафузова (вторая половина XIX – начало XX века): промышленная история России. – Казань: Ин-т истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2015. – 276 с. – Текст: непосредственный
 18. Вишленкова, Е.А., Малышева, С.Ю., Сальникова, А.А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX–XX вв. / Е.А. Вишленкова и др. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2008. – 452 с. – Текст: непосредственный
 19. Крестовников, Н.К. Семейная хроника Крестовниковых / Н.К. Крестовников. – в 3-ех кн. – Кн.1. – М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1903–1904. – 112 с. – Текст: непосредственный
 20. Галанин, С.Ф. Казань и казанцы: реклама второй половины XIX века: монография / С.Ф.Галанин. – Казань: Изд-во Каз.гос.тех.ун-та, 2008. – 238 с. – Текст: непосредственный
 21. Сады и парки Казани: коллекция фотографий и открытых писем с видами садов и парков Казани конца XIX – середины XX века / Сост.: М.П. Новикова, Г.А. Юпина. – Казань: Фолиант, 2012. – 127 с. – Текст: непосредственный
 22. Устав Казанского общества велосипедистов-любителей. – Казань: Скоропечатня Л.Л. Антонова, 1897. – 19 с. – Текст: непосредственный
 23. Устав Казанского речного Яхт-Клуба. – Казань: Тип.Д.М.Гран, 1915. – 26 с. – Текст: непосредственный
 24. Устав спортивного общества «Сила и Здоровье». – Казань: Тип.Губ.Правл-я, 1911. – 8с. – Текст: непосредственный
 25. Положение о состоящем при Казанском Обществе Русской Монархической молодёжи гимнастическом кружке «Беркут». – Казань: Типо-литография И.С. Перова, 1910. – 12 с. – Текст: непосредственный

© Фан-Юнг Герман Юрьевич (ger-fan-yung@yandex.ru), Щигорцова Елена Сергеевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»